

Мясницкий Иван Ильич

Свадьба и другие рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Свадьба и другие рассказы / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
250 с.

ISBN 978-5-519-98463-8

ISBN 978-5-519-98463-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

зить, какая публика киселемъ баловалась... Калошъ никакихъ, а прямо съ кладбища приперли... двое даже въ валенкахъ...

— Да, ну, послѣ такой публики всякихъ узоровъ жди... Хозяинъ тоже вашъ, я вижу, безъ всякой смекалки: смотри, кому поминки дѣлаешь... половики внизу постели, ноги вели обтирать...

— Съ такимъ поминальщикомъ, господинъ, не сообразишь-съ... Ты одного заставляешь вытирать, а ужъ трое возлѣ закуски работаютъ... Мастеровщина-съ... Облопаться готовы... Кутью понесли, напимѣръ, вотъ какое блюдище, такъ, вѣрите ли, многимъ даже пришлось только облизнуться... Въ какія-нибудь пять минутъ обработали... кутью-съ! Отъ которой многіе благородные господа прямо морду воротятъ-съ... А двоихъ пришлось совсѣмъ поминокъ лишить-съ... Черти тоже! Покуда они покойника-то несли, въ трехъ трактирахъ по пути побывали... Да, вѣдь, до чего ошалѣли: покойника-то, вмѣсто Ѳедора, Ѳеклой окрестили... Такъ какъ же имъ рисунковъ на полу не напечатать?..

На низенькихъ хорахъ, по которымъ можно ходить только согнувшись, оркестръ балъ-

ной музыки настраиваетъ инструменты. Дирижеръ, потный.человѣкъ съ рыжими усами, на которыхъ лоснится жирно наложенный фиксауаръ, кричитъ сверху лѣстницы какой-то бабѣ, стоящей внизу.

— Баба!.. Мадамъ!.. Тетенька!.. Кума!..

— Ай? — откликается вдругъ баба. — Это кто же меня кумой?

— Я, голубушка, я... Музыкантъ, который на хорахъ...

— Дуда, значить? Ну?

— Сойти мнѣ внизъ никакъ невозможно, потому сейчасъ кадриль начнется, а музыканты пить хотятъ... Скажи, пожалуйста, какому-нибудь официанту, чтобы принесъ пива музыкантамъ...

— Ладно.

— Что ладно?

— Ладно, молъ. Тоже выдумщики, я сама не пила, не ѣла, а имъ пива... И безъ пива подудишь... Не великъ баринъ...

— Вотъ дурища-то! Тебя не спрашиваютъ: можемъ мы дудѣть безъ пива или нѣтъ... Твое дѣло сказать официанту...

— Никакого у меня, дударь, дѣла до тебя нѣтъ... Нашелся тоже распорядитель... Словно

околодочный... Залѣзъ подъ потолокъ и чужимъ пивомъ командуетъ...

— Тьфу, ты, дурища неотесанная? Пришли мнѣ какого-нибудь официанта.

— Ловокъ тоже... Иди лучше съ Богомъ подъ потолокъ и дуди... а я послушаю...

— Нѣтъ, какова каналья!—кипятился дирижеръ:—Это чортъ знаетъ что такое... Ну, стой, идола дубовый: кончу я кадрили и сейчасъ же хозяину твоему нажалуюсь...

— А хозяинъ въ Саратовъ уѣхалъ... Жалуйся!

— Какъ въ Саратовъ? Да ты кто такая, рожка курносая?

— А сусѣдская куфарка. Свадьбу пришла посмотреть...

Дирижеръ плюетъ и горошкомъ скатывается внизъ.

По всѣмъ комнатамъ разгуливаютъ новобрачные. Онъ высокъ и тонокъ, какъ жердь, выдернутая наудачу изъ плетня, и ходитъ согнувшись, какъ будто ища на полу потерянную вещь; она—небольшого роста, полненькая шатенка съ застывшею на губахъ улыбкой счастья и бородавкой на носу. Бородавка, положимъ, тщательно замазана,

но новобрачный о ней хорошо осведомленъ. Новобрачные ходятъ молча. Да и зачѣмъ имъ говорить, когда разговоръ впереди предстоитъ цѣлая жизнь: наговорятся досыта! Они только улыбаются всѣмъ и изрѣдка посматриваютъ другъ на друга: онъ—опуская голову, а она—задирая ее къ потолку. На немъ—черный сюртукъ и сорочка съ такимъ высокимъ воротникомъ, что концовъ ушей совсѣмъ не видно. На ней балльное платье, неизбѣжная брильянтовая звѣздочка въ прическѣ и брильянтовый же „ривьеръ“ сомнительной воды на безукоризненно напудренной шейкѣ.

Оба въ бѣлыхъ перчаткахъ, поверхъ которыхъ надѣты кольца.

Снуютъ господа шафера съ бутоньерками въ петлицахъ и яростнымъ взглядомъ побѣдителей окидываютъ танцевальныхъ дѣвицъ. Дѣвицы трепещутъ отъ взглядовъ и поправляютъ на себѣ разные бантики и ленточки.

Въ залѣ, на стульяхъ, вытянувшихся стройными рядами вдоль стѣнокъ, сидятъ дамы попеременно съ дѣвицами и пьютъ чай, ко-

торый официанты разносят на громадных подносахъ.

— Печенья не желаете ли?—басить официантъ, слѣдуя съ корзинкой печенья по стопамъ официанта съ чаемъ.

Печенье берутъ всѣ. Нѣкоторыя даже весьма берутъ и вызываютъ этимъ негодующій возгласъ официанта:

— Ну, утrobiща!

Въ буфетной, вокругъ стола, нагруженнаго всякими снѣдами и питіями, бродятъ, прицѣливаясь къ гастрономіи, добровольцы почтенныхъ лѣтъ и извѣстныхъ декадентскихъ окрасокъ въ фізіономіяхъ. Они ждутъ только сигнала, чтобы приступить къ правильной и быстрой атакѣ непріятеля, начиная съ обрусѣвшаго иностранца Лева и кончая обьевропеившимся русскимъ Смирновымъ.

Отецъ жениха, съ длинной бѣлой бородой и густыми нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ маленькіе, но очень веселенькіе глазки,—ловитъ по комнатамъ гостей и проситъ ихъ пожаловать къ столу со снѣдами и питіями и „открыть балъ“.

Гости смѣются остротѣ хозяина и охотно его опережаютъ, спрашивая на ходу другъ

у друга: „Мы съ вами какою откроемъ балъ: рябиновой или пресвѣтлѣйшею?“

Для дамъ накрытъ отдѣльный столъ, начиненный тѣми же самыми снадобьями, что и для мужчинъ.

Дамы, ведомыя къ столу хозяйки, идутъ туго, отговариваясь тѣмъ, что „оченно мало и даже весьма рѣдко потребляютъ“, но, бывъ привлечены къ столу, пьютъ и кушаютъ не хуже мужчинъ.

Съ мужского стола несется басовый возгласъ: „А гдѣ тутъ, братіе, дьяконовская чаша? Хе-хе-хе...“ На что съ дамскаго отвѣтствуетъ нѣжно сопрано сестры жениха, успѣвшей на одномъ году два раза овдовѣть: „Марья Савостьяновна! Да кто-жъ это мадеру изъ рюмокъ пьеть? Мадеру изъ бокаловъ надо“...

У входа въ залу стоятъ зрители, спеціально изъ женскаго пола составленные: платки, платочки, шляпочки, шапочки и просто простоволосіе. Зрители толпятся, плотно жмутъ другъ друга, услышавъ окрикъ официанта: „позвольте пройти“,—разсматриваютъ новобрачныхъ и гостей, и не столько гостей, сколько ихъ наряды, и перешепты-

ваются другъ съ другомъ, дѣлясь впечатлѣніями...

— Женихъ-то какой длинный, ба-а-тюшки!—передаетъ на ухо одинъ платокъ другому свое изумленіе.—Чистая оглобля, мать моя!

— Отецъ въ молодости безъ передышки за уши тянулъ, а потомъ ужъ и самъ не радъ... Видитъ, парень струной тянется, а сократить его не можетъ... Передралъ сдуру-то!..

— Ни въ жисть бы я за такую каланчу не пошла: ~~на~~ на него ежели почаще глядѣть, такъ въ затылкѣ ломъ наживешь...

— На сидячаго гляди...

— Да онъ и сидячій-то выше стоячаго... Ахъ, бѣдная!..

— Ничего, не бѣдная, безъ приданаго, говорятъ, взялъ... Сулилъ ей отецъ жениху что-то, а что неизвѣстно, но только женихъ отстранилъ... Мнѣ, говоритъ, никакихъ капиталовъ не надо, потому у моего папаши этой дряни достаточно, а мнѣ чтобъ она характеромъ потрафляла...

— Эта потрафить... дѣвица въ своемъ

здоровьѣ и кругла, какъ огурецъ... Ну, дай Богъ имъ, дай Богъ!..

Молоденькія зрительницы хихикаютъ.

— Знаешь, Груша,—говоритъ одна другой,—ни за что бы я за такого не вышла, озолоти ты меня, не пошла бы!..

— Почему?—спрашиваетъ другая.

— Ну, какъ я его поцѣлую, скажи пожалуйста? Вѣдь я подпрыгнуть должна? Такъ я не акробатка.

— Самъ нагнется.

— Дождидайся, когда онъ нагнется... Не знаешь ты мужчинъ, Груша, а говоришь глупости.

— Позвольте пройти!—рычитъ офиціантъ, протискиваясь сквозь толпу съ чудовищнымъ блюдомъ, на которомъ горой были навалены разстеган. —Мамзель, оглохла ты, что ль? Вѣдь я тебя блюдомъ-то наповаль убить могу!

— Батюшки,—раздаются въ толпѣ зрителей восклицанія,—да неужто этакую прорву сожрутъ?

— Еще не хватить!—откликается офиціантъ.—Позвольте пройти! Па-а-азвольте-съ... Чей это затылокъ... ротъ разинулъ?.. Ви-

дишь, чай, съ блюдомъ человѣкъ идетъ... воро-она... Па-азвольте...

По залу, на лету натягивая перчатки и граціозно склоняя голову на правую сторону, бѣжитъ пѣтушкомъ распорядитель танцевъ, молодой человѣкъ съ завитой шевелюрой и плохо развитой растительностью на верхней губѣ.

— Кадриль!—бросаетъ онъ шопотомъ направо и налево съ такой таинственностью и испугомъ, какъ будто вслѣдъ за нимъ идетъ полиція, явившаяся арестовать всѣхъ танцоровъ.—Кадриль!

Легкая пауза.

Распорядитель, пролетѣвъ залу, поворачиваетъ назадъ и затягиваетъ жалостнымъ голосомъ:

— Ле кавалье, ангаже во дамъ!

— Ну, зафранцузиль, — откликаются нѣкоторые изъ танцоровъ,—всѣхъ теперь перепутаешь!

Отвалившіеся отъ стола со снѣдями и питіями, громко смѣясь и ковыряя въ зубахъ, направляются въ карточную, гдѣ съ раскинутого уже столика несутся восклицанія:—Сколько ремизу? Стучу!..

„Карточный“ офиціантъ, закинувъ руки за спину, стоитъ истуканомъ у дверей и скашиваетъ глаза на „коня“, пестрѣющій асигнаціями и презрѣннымъ металломъ.

„Хорошо бы этакій коникъ взять!“ — мечтаетъ онъ со вздохомъ и бросается ко вновь вошедшимъ игрокамъ.

Прекрасный полъ то и дѣло порхаетъ въ „уборную“, гдѣ есть все, начиная съ очень кривого и засиженнаго мухами зеркала и кончая пуховкой, которая переходитъ изъ рукъ въ руки и безъ-устали танцуетъ по ланитамъ и носамъ балльных дамъ. Кста-ти, тутъ же дамы сплетничаютъ и передаютъ другъ другу самые тайные секреты.

— Ле кавалье, ангаже во дамъ! — раздается печальный голосъ дирижера у дверей „уборной“. Отъ этого возгласа несчастная пуховка начинаетъ летать по фізіономіямъ дамъ какъ резиновый мячикъ... Да и какъ ей не прыгать, когда оркестръ, утолившій свою жажду пивомъ, началъ ужъ „жарить“ ритурнель...

Подъѣзжаютъ новые и самые свѣжіе гости. Гости сдаютъ подъ номерокъ свой верхнія одежды, толкуются передъ зеркаломъ, та-